

ИЗ ЗАЛА СУДА

Анатолий Безуглов

ПРИШЕДШИЕ
из
МРАКА

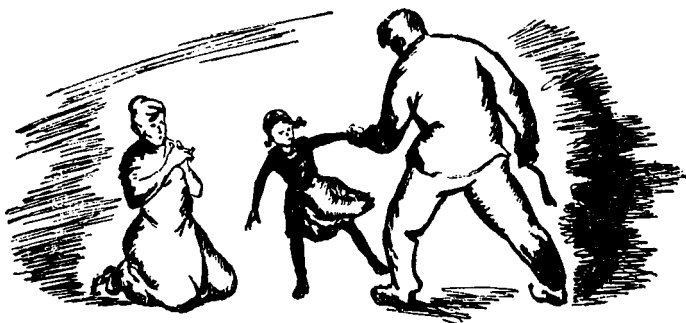
**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

АНАТОЛИЙ БЕЗУГЛОВ

ПРИШЕДШИЕ
из
МРАКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1960

-В

стать! Суд идет!

Из боковой комнаты вышли трое судей и направились к большому покрытому зеленым сукном столу, стоящему в середине сцены заводского клуба. Впереди шел народный судья Иван Петрович Казаков, а за ним народные заседатели — знатный бригадир каменщиков Тарас Николаевич Ярошенко и заведующая районной библиотекой Ольга Владимировна Лисицкая.

Председательствующий Казаков объявил судебное заседание выездной сессии народного суда открытым, разъяснил подсудимым их права и, назвав фамилии судей, спросил:

— Доверяете данному составу суда?

Акимов упрямо мотнул крупной головой и что-то неразборчиво пробурчал.

— Говорите громче!

— Ваш суд от сатаны! Я признаю только божий суд, — крикнул он и умолк.

Казаков пожал плечами и несколько секунд тихо говорил с народными заседателями. Потом он объявил:

— Суд решил ходатайство подсудимого Акимова отклонить.

Акимов, казалось, не реагировал. Он уставился в потолок и, видимо, молился, беззвучно шевеля губами.

Подсудимый Калашников никакого ходатайства не заявил.

Председательствующий начал читать обвинительное заключение: «...15 сентября 1958 г. в 2 часа ночи гражданин Соколкин Г. М. услышал доносившиеся из комнаты, занимаемой его соседом Акимовым С. С., детский плач и крики взрослых. Догадавшись, что Акимов избивает свою дочь Валу, Соколкин вбежал в комнату Акимовых и, отняв у Акимова окровавленного ребенка, унес девочку к себе. Акимов преследовал соседа, пытался проникнуть в квартиру последнего, а когда это не удалось, стал взламывать дверь в квартиру Соколкина.

Рабочие, возвращавшиеся после вечерней смены с завода, пытались унять буяна, но безрезультатно. Акимов оскорблял их, а когда к месту происшествия прибыл сержант милиции Коршунов И. И., дважды ударил Коршунова палкой и пытался сорвать с него погоны.

У Акимовой Вали в 2 часа 30 минут ночи началась рвота кровью. Девочка в тяжелом состоянии была доставлена в больницу, где и находится на излечении в настоящее время.

Расследованием дела установлено следующее. В декабре 1956 года гражданин Акимов С. С., работавший в то время столяром-краснодеревщиком на заводе «Радиоаппарат», под влиянием главаря («слуги») местного отделения («килки») секты неговистов Калашникова А. Ф. вступил в указанную секту...

— Вступил, очистил себя и спас! — глухо и торжественно заявил Акимов.

Судья сделал ему замечание. Люди в зале — рабочие радиозавода, члены артели, где последний год работал Акимов, — с отвращением и жалостью глядели на этого человека, который всего два года назад был совсем другим. И лишь немногие понимали, как могло случиться то, что в обвинительном заключении уместилось в одну короткую фразу: «Вступил в секту».

* * *

Степан Сергеевич вернулся домой расстроенным. Утром его вызвал начальник цеха и весело сказал:

— Дети, в школу собирайтесь. Пойдешь, Сергень, на курсы!

Акимов удивился:

— Вроде и без курсов двадцать лет по столярной части работаю, у вас — два года, никаких замечаний не было.

— Потому и посылаем, — улыбнулся начальник. — Получишь вторую специальность. Будешь мастером по пластмассе.

Акимов и раньше слышал, что корпуса новых приемников, которые завод собирается освоить в будущем году, станут делать из пластмассы. Говорили и о том, что количество столяров на заводе сократят. Степан к этим разговорам не прислушивался: сократят, так сократят. Такого мастера, как он, возьмут с радостью где угодно.

— Поздно мне учиться, — упрямо сказал Акимов. — Что у нас никого помоложе нет, что ли?

— Тогда переведем в отдел строительства, — предупредил начальник. — А чем тебе на курсах плохо будет? Средний заработок сохраняется, работа почище прежней. Хватит зря дерево переводить. Знаешь, лет через двадцать столяров вообще не будет. Химия-то как развивается, видишь!

Акимов потоптался перед столом начальника и ушел. Обижаться, собственно говоря, было не на что. Степан и сам подумывал о переходе к строителям. Там работа была интереснее, да и прибыльнее. Но тон начальника не понравился столяру. «Ишь ты, грозитя перевести, — рассуждал Степан. — Да плевал я на твой перевод. Захочу и сам перейду... Через двадцать лет столяров не будет... Господи, и сболтнет же такое человек, а еще умным считается».

Придя домой, Степан пообедал и вышел на кухню, где жена мыла посуду, а тетка ее Федосья беседовала с откуда-то взявшимся «земляком», крепким полнотелым мужчиной, повадившимся ходить к Акимовым по два-три раза в неделю.

— Чего замолчали? — бросил Степан. — У нас за разговоры денег не платят.

— Некоторым наши разговоры не нравятся, — непонятно о ком сказал теткин собеседник.

— Кончала бы скорей посуду мыть, — сказал Степан жене. — Сходишь за водкой. Что это у тебя гости в кухне сидят?

Степан недолюбливал шуструю старушку с крошечными глазками, похожими на булабочные головки, но сейчас, после неприятного разговора с начальником, ему хотелось побеседовать хоть с ней и ее «земляком». Но тот заговорил первым:

— Погодите, Степан Сергеевич. Вино нам ни к чему. От вина голова мутна, душа больна и жизнь солона... — Быстрые, светлые глаза земляка скользнули по лицу Степана. — Нехорошо у вас на сердце, хозяин, и не вином эту хворь лечить.

— Ишь ты, — усмехнулся Акимов. — Мысли угадываешь. В цирке что ли работал?

— Цирк ни при чем, — солидно ответил земляк. — Способность видеть душу человека дается свыше.

— От бога, что ли? — хихикнул Степан.

— А вы не смейтесь. Вы-то уверены, что бога нет?

— Как вам сказать, — замылся Степан, — не положено вроде считать сейчас, что он есть. Говорят, ученые научно доказали.

— Читал я одну такую книгу, — с ласковой улыбкой сказал земляк. — Очень хитрая книга. Видите ли, для того чтобы понять ее правильно и опровергнуть, нужно учиться очень много лет. Факты там подтасованы. А на самые главные вопросы не дает точного ответа даже Энгельс. Читали Энгельса?

— Куда нам. Три класса, четвертый — коридор.

— Тогда объяснять подробно не буду. Скажу одно. Все их умные книги бессильны объяснить многие явления. А старая, каждому понятная библия все растолкует. С библией знакомы?

Степан потерял интерес к Афанасию Федотовичу — так звали земляка. Все эти разговоры о боге — чепуха, для старушек вроде Федосьи. Но новая реплика Афанаasia заставила его насторожиться.

— Вот, скажем, война в Египте. Она ведь библией предсказана.

— Ну? — иронически удивился Степан.

— Представьте себе. Мало того. Вот наши газеты сообщают, что там замирение. Глянул я в библию — нет, срок не вышел. Справился у верного человека. Оказалось, и по сей день сражение идет.

Они перешли из кухни в комнату, и Афанасий продолжал. Он на память читал большие куски из библии

и приводил примеры того, как оправдываются предсказания. Выходило так, что и войны, и коллективизация, и строительство в Сибири, и даже атомная энергия — все предусмотрено в этой книге. Степану поначалу не верилось, но глаза Афанасия глядели так честно и искренне, речь его была такой откровенной и увлеченной, что понемногу Степан начал слушать с интересом. «А кто его знает, — подумал он, — ведь говорят, что попы в бога только ради своего кармана верят. А этот мужик, видно, не такой, ведь от меня он ничего не получает».

Жена принесла «четвертинку», поставила на стол закуску. Афанасий пить отказался. Выяснилось, что он не пьет, не курит и в пище весьма воздержан.

Как-то само собой получилось, что Степан рассказал Афанасию о своем разговоре с начальником цеха. «Тестушкин земляк, видать, человек умный, что он на все это скажет?..» Афанасий усмехнулся:

— Вы человек, много видевший в жизни. Память у вас неплохая. Скажите, в детстве, в юности слышали ли вы когда-нибудь о болезни, которая зовется «рак»?

Степан не мог припомнить.

— И не было ее, — наставительно сказал Афанасий, — потому что никаких пластмасс не было. И гипертонии не было. Дерево, железо, глину человечество использует многие тысячи лет. Пока только их употребляли, люди оставались здоровыми. А все эти пластмассы, капроны, нейлоны и приносят новые болезни. Дело ваше, Степан Сергеевич, но, чувствуя к вам душевное расположение, должен посоветовать — не связывайтесь с химией.

Афанасий вскоре распростился и ушел. А Степан долго не мог заснуть в этот вечер. Не то, чтобы ему очень уж понравился новый знакомый, но в этом человеке чувствовалась какая-то внутренняя сила, уверенность в себе. Сильное впечатление на Степана произвело и то, что для Афанасия не было никаких не решенных вопросов, никаких сомнений.

На следующий день, когда начальник снова повторил свое предложение, Степан коротко ответил:

— Не по мне это.

Вскоре Степана перевели в строительный отдел. Сначала столяру не хватало привычного шума большого

цеха с десятками рабочих, склонившихся над столами, ощущения, что он не один, а в самом центре дружного коллектива.

Потом выяснилось, что в новой работе есть свои выгодные стороны. Строители отделявали комнаты заводоуправления, красные уголки, мастерили стеллажи на складе. Работали маленькими группами: по три, по четыре человека. Можно было прихватить домой пару досок, кулек гвоздей, плитку клея. Со временем Степан приспособился и начал на работе выполнять небольшие заказы для соседей и знакомых. То полочку для книжек сколотит, то новый приклад к ружью выстрогает.

Как-то снова разговорился Степан с Афанасием. Тетушкин земляк похвалил Степана за то, что не поддавался тот на уговоры начальства и не пошел на курсы. Рассказал несколько случаев отравления людей, пользовавшихся пластмассовой посудой.

«Врет», — мелькнула мысль у Степана. Потом он подумал, что никакой надобности врать у Афанасия нет и быть не может. Видно, впрямь сочувствует ему этот человек.

Однажды ночью Степан проснулся от непонятных, приглушенных звуков, доносившихся из кухни. Босиком пробежал он по комнате и распахнул дверь в кухню. У стола сидели тетка Федосья и жена. На столе лежала книга. Обе женщины плакали.

— Что случилось? — ничего не понимая, спросил Степан.

— Страшно, Степа, — призналась жена. Степан взял книгу. Это была библия.

— Чего ревете, — проворчал Степан, — мало ли что выдумают...

— Глянь-ка лучше, что тут предсказывалось, — возразила тетка. — Все сбылось. Стало быть, и впредь сбывается.

Желтый теткин палец забегал по строчкам. Книга действительно предсказывала, правда иносказательно. И все войны, что пришлось на век Степана, и голод двадцать первого года — Акимов был тогда еще мальчонкой, но хорошо помнил то страшное время, — и появление тракторов и комбайнов и многое другое. Степан заинтересовался.

— Ну-ну, — подбодрил он тетку, — а дальше-то что будет? Давай, прочти.

Тетка начала читать. Она выговаривала слова медленно, тихим, равнодушным голосом.

И от того, что она читала, действительно становилось страшно. Оказывается, человечеству грозит новая война, и война такая, что все ужасы прошлых войн бледнеют перед ней. Тетушка читала об огне, граде, бурях, землетрясениях, о звездах, падающих на землю, и пылающих горах, о тучах дыма, застилающих свет луны и солнца.

Степан припоминал, что он слышал, обычно краем уха — не любил он ни лекций, ни бесед — о том, чем грозит человечеству страшное атомное и водородное оружие, и чувствовал, что впечатление от тех разговоров и от чтения этой книги как-то совпадает.

— Слова разные, а смысл, видимо, один, — вздохнул Степан.

Жена снова заплакала. Старушка продолжала читать, а Степан упорно думал о том, что такое совпадение неслучайно. Стало быть, и в этой книге есть своя, страшная правда.

— Что ж, от такого дела никто не спасется, — зло сказал Акимов.

— Неверно, милый, — поспешно возразила тетушка. — Сказано: будут спасены сто сорок четыре тысячи уверовавших.

Отложив книгу, она тут же объяснила, что страшная война будет начата не людьми, а самим богом. Все дело в том, что сатана примет образ человеческий, и найти, истребить его господу богу будет невозможно. Поэтому и возникнет святая война или, как называют ее, армагеддон. Пули и снаряды, огонь и лава истребят всех, кто не знает истинной веры. В число истребленных неминуемо попадет и сатана. Спасутся те, кто до начала армагеддона примкнет к рядам истинно верующих — «свидетелей Иеговы», как их называют.

Утром на работе Степан то и дело вспоминал о ночном разговоре. Ярко светило солнце. В помещении клуба, где работали столяры, приятно пахло свежей сосновой стружкой. Радиотехник чинил за стеной магнитофон, и в зал доносилась веселая музыка. Все услышанное ночью казалось Степану нелепым сном.

Возвращаясь домой, Степан мысленно спорил с Калашниковым.

«Ну, откуда ты обо всем этом знаешь? — допытывался Степан у воображаемого собеседника. — Как это может быть, чтобы все погибли? За что? Почему?»

Рабочие выходили из проходной группами, переговаривались на ходу, окликали друг друга, шутили, смеялись. Степану хотелось подойти к кому-нибудь из товарищей по цеху и спросить, что сказали бы они о рассуждениях сектантов.

Но не привык Акимов верить кому бы то ни было свои мысли, не было у него обыкновения беседовать с соседями по цеху. Обратится по какому-нибудь деловому вопросу, молча выслушает ответ, кивнет и опять к своему рабочему месту.

Хотя завод «Радиоаппарат» был уже четвертым предприятием в его трудовой жизни, Степан и сейчас не многим отличался от вечно хмурого, долговязого подростка, пришедшего четверть века назад «в ученье» на мебельную фабрику. Разве что исчезла неизменная черная косоворотка, да в шевелюре заиграла седина. А как был Степан на производстве одинок и нелюдим, таким и остался.

Точно так же, как и двадцать пять лет назад, считал Степан минуты, остававшиеся до гудка, торопливо умывался и спешил домой. Правда, юношу Степана ожидала по большей части лишь работа у чужих людей: то забор починить, то козлы сколотить, то дров соседке наколоть. А теперь вот уже много лет торопился Степан к своему хозяйству.

Когда приходилось задерживаться на собрании, Степан не слушал горячившихся и споривших товарищей. Думалось о своем: «Не забыла ли благоверная поросенка покормить?.. Улей еще не доделан... Сидишь тут, а деревца в саду до сих пор не окопаны». Все душевные силы, всю любовь к труду, щедро отпущенную ему, вкладывал Степан в свой двор, сад, в уход за коровой, свиньями.

Где бы Степан ни работал, товарищи неизменно пытались втянуть неразговорчивого столяра в жизнь коллектива. И всегда наталкивались они на спокойное равнодушье, позевывание и тихий, убежденный ответ:

— Я ж без грамоты. Образование сельское. Работая, стараюсь, ни в чем не замечен. А насчет общест-венности — не получится у меня это.

И на мебельной фабрике, и на железной дороге, и здесь, на заводе «Радиоаппарат», в конце концов переставали обращать внимание на Степана. Он никому не доставляет хлопот. Норму выполняет аккуратно, дисциплина отменная, никому никогда не возражает, не противоречит; с женой живет так, что все соседи завидуют. Скуповат, правда. Но это ведь никому не мешает.

И получилось так, как всегда получается с людьми, которые никому не мешают. Степана оставили в покое. Никаких «чрезвычайных происшествий» или тревожащих поступков от него не ждут, жить рядом с ним спокойно, а если пытаться «разбудить» его, втянуть в общественную жизнь, то только намайешься, но такого не растормошишь.

Постепенно и сам Степан привык к тому, что на него не обращают внимания, и воспринимал это, пожалуй, как достоинство. «Чего обо мне беспокоиться, — рассуждал он. — Работу с тем проводить надо, кто выпить может, подраться или начальству надерзнуть. А меня сразу видно: человек самостоятельный, ничего такого себе не позволяю».

Так и сейчас товарищи: по работе остались в стороне от его дум и сомнений. А справиться с трудными вопросами самому было попросту невозможно. Не привык Степан ни рассуждать, ни анализировать свои мысли. С давних пор было у него одно правило, внушенное когда-то троюродным дядькой, хитрым и жадным человеком, любившим рассуждать так: «Все люди, все человеки. Только тот честный, кто прямо говорит: люблю деньги, за нее и умру, а другой бессребреником прикидывается, а сам все в карман норозит... Ты и гляди, когда к тебе подкатываются, какую свою выгоду через это человек блюдет. Так, чтоб без выгоды, не бывает».

И, запутавшись в сомнениях и страхах, внушенных мыслями об армагеддоне и гибели человечества, Степан ухватился, как за соломинку, за эту мерку всех людей. «Какая Калашникову выгода? — думал он и сам себе отвечал: — Никакой».

Афанасий был, пожалуй, первым человеком, который вызывал безоговорочное доверие. Сколько раз в прош-

лые годы возникали у Степана самые различные недоуменные вопросы. Но обращаться за разъяснениями к товарищам по работе Степан всегда стеснялся: стыдно было показаться перед ними непонимающим, невежественным, стыдно было своих трех классов. Конечно, не виноват в этом Степан, оставшийся сиротой десяти лет от роду. А все-таки зачем лишний раз свою необразованность показывать.

А Афанасий Калашников разговаривал со Степаном как равный с равным. И Степану невольно льстило, что такой знающий, начитанный, образованный человек беседует с ним, Степаном, как бы советуясь, цепит, видимо, мнение Степана как человека, пусть не успевшего получить образование, но много видевшего в жизни и от рождения не глупого.

Вскоре после перехода Акимов в строительный отдел случилась неприятность. Степан в рабочее время отполировал рейки, из которых дома собирался склеивать рамки для фотокарточек. Этот выгодный заказ «со стороны» устроил ему Калашников. Вошел начальник отдела строительства, и первое, что он увидел, были отполированные, разложенные для просушки рейки. Степан объяснил, что решил сделать несколько рамок для себя самого из собственного, из дома принесенного, материала.

Начальник отдела накричал на столяра, забрал рейки и пообещал, что дело Степана будет передано в товарищеский суд.

...Афанасий внимательно выслушал рассказ Акимова об этом случае и неожиданно сказал:

— Так-то оно и лучше.

— Чего ж тут хорошего? — изумился Степан.

— А то, что неслучайно все это, — пояснил Калашников, — бог тебя испытывает, друг мой. Избрал он тебя в число ста сорока четырех тысяч. Но еще не увидел в тебе истинной веры. И хочет он поглядеть, как ты к этим испытаниям отнесешься. Достоин ли рассудишь и решишь.

Степан удивился, почему же это вдруг бог надумал избрать в число спасаемых его, Степана Акимова, какими особыми заслугами не отличавшегося. Калашников объяснил, что Степан просто не понимает, какой он достойный человек.

И никуда не денешься — Афанасий был прав. Акимов отроду не взял чужого, никогда никому не делал зла, почти ни с кем не ссорился. Преданно любил жену и дочь. Готов был помочь ближним своим.

— Ты думаешь, Степан, что все это случайно происходит, — журчала речь Калашникова, — а ведь бог, он при рождении каждого судьбу ему предопределяет. Стало быть, и тебе предназначена была праведная жизнь.

Потом Калашников сказал Степану, что самое лучшее для него вовсе оставить работу на заводе. Неслучайно столько неприятностей за какой-нибудь месяц. Дело в том, что господь не милостив к тем, кто работает на государственных предприятиях. Люди эти вольно или невольно служат сатане. Ибо всякое государство есть порождение сатанинское.

— Почему же? — сопротивлялся Степан. — Если государство от сатаны, зачем же оно, к примеру, школы устраивает, детям образование дает?

— Темен, темен ты в некоторых вопросах, брат мой, — посочувствовал Афанасий. — Во-первых, неизвестно тебе, что образование не такое уж большое благо, как кажется. При дедах наших знали куда меньше, а жили-то как! И старших уважали больше, и страх перед родителями был, а сейчас? Во-вторых, — продолжал Калашников, — удивлен я тем, что такой способный человек, как ты, понять не может, что государство школы устраивает, чтобы отвратить сердца отроков и отроковиц от истинной веры, чтобы воспитать юношество в безбожии.

Ничего не скажешь, молодежь и в самом деле поголовно не верила в бога. А хорошо ли это? Степан никогда не задумывался над таким вопросом.

— Кому мешают заповеди? — настаивал Афанасий. — Разве плохо, если человек следует наставлению: «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй»?

«Что ж, это вовсе не так плохо, — думал Акимов. — Может быть, и прав Калашников». Кончился разговор тем, что теткин земляк предложил:

— Нечего тебе больше на заводе делать. Сам знаешь, если раз проштрафился, то пойдет и пойдет. И в стенгазете пробирать будут, и на собраниях чистить, и ко всякой мелочи придираются. Пока этого суда

не было, увольняйся. А работу я тебе подыщу поприбыльнее.

Так и не состоялся товарищеский суд над Акимовым. Степан уволился.

Калашников не обманул. Работы в поселке было хоть отбавляй, и такой столяр, как Степан, не оставался без дела. Калашников приносил записочки с адресами: там нужно переделать тахту, там починить старый буфет, там соорудить кровать. Работал Степан ловко и споро и денег домой приносил чуть ли не вдвое больше, чем прежде. Заказчики неизменно оставались довольны золотыми руками столяра. И, может быть, самой большой наградой за труд было восхищение хозяев, любовно разглядывавших свои «помолодевшие» вещи или добротные сделанные «обновки».

Степан горячо благодарил Калашникова. Тот смущенно отказывался. Дело тут лишь в том, что он истолковал намек божий, и хорошо, что Степан послушался его совета.

Трудно было Акимову во всем этом разобраться. Если сопоставить факты, то выходило и в самом деле именно так, как говорил Калашников. И насчет того, что библия предсказывает, что на земле должно было произойти, тоже верно.

И все чаще и чаще задумывался Степан, а вдруг и в самом деле есть какая-то высшая сила? Не может быть, чтобы не было ее. Откуда же тогда берется все живое? Как произошло человечество?

Однажды вечером он сел за библию. Раскрыл ее на первой попавшейся странице и прочел: «...Женщина — горше смерти. Она есть, и сердце ее силки, руки ее оковы». Никогда в жизни Степан не читал ничего подобного. «Здорово сказано», — подумал он.

Вошла тетушка. Степан показал ей понравившуюся ему строку. Тетушка улыбнулась. «Это Екклесиаст — проповедник, — пояснила она. — А ты другое почитай. И не только то узнаешь, что тебе самому ведомо, да высказать не мог, а и истинную правду, которая от всех сокрыта, кроме того, кто уверовал».

Свободного времени у Степана теперь хватало. И он решил одолеть всю библию от начала до конца. Многие казались непонятными, но приходил Афанасий и легко объяснял Степану все темные места.

А как-то о библии заговорила жена. Степан удивился тому, как ловко и разумно толковала она непонятные ему места книги. Мария Михайловна сказала, что не раз бывала на чтениях и молитвах в доме Калашникова, и посоветовала Степану сходить туда с ней.

В молитвенном собрании Степану понравилось. Тут все было тихо, чинно, верующие пели согласно и красиво. Встретили там Акимова приветливо. За один вечер Степан узнал гораздо больше, чем за все время самостоятельного чтения библии. И главное, Степан увидел, что он не один. Рядом с ним были, по его мнению, неглупые, хорошо прожившие жизнь и разбравшиеся в ней люди. Они верили и в божье слово, и в армагеддон, и в возможность спасения.

Вскоре жена сообщила Степану, что вступила в секту. Называется эта секта «свидетели Иеговы». От членов ее не требуется ничего, кроме праведной жизни да изучения библии. Вот только она не знает, как быть со Степаном. По законам секты нельзя быть женой инаковерца. Стало быть, их совместная жизнь — прелюбодеяние.

— С ума ты сошла, — обиделся Степан. — Двадцать лет живем, в загсе расписаны. Ни ты мне, ни я тебе ни делом, ни словом не изменяли. А ты — прелюбодеяние!

Но жену нельзя было переубедить. Она плакала и умоляла Степана попросить Калашникова принять его в секту. Афанасий подтвердил, что Степан должен стать «братом». Он поинтересовался, какие у Акимова найдутся возражения против этого. Возражений не нашлось.

Вначале Степан уставал от бесконечных молебствий. От множества непонятных слов болела голова. Иногда у него шевелились сомнения: «К чему все это?»

Калашников нашел Акимову «богоугодную работу». Собрали бригаду столяров и плотников и отправились по селам, втридорога предлагая свои услуги. Работы было много. Заказчики ругались, но платили.

Когда с заработанными деньгами вернулись в поселок, Калашников разложил сторублевки на две неравные пачки. Большую он взял себе и объяснил:

— Это деньги боговы.

Степан обиделся. Если разделить оставшиеся, на его долю придется меньше, чем он получал на заводе. Так он и сказал «слуге». Калашников пришел в ужас.

— О чем думаешь, брат! — закричал он. — Дьявол тебя искушает. Сомневаешься — уйди. Только сто сорок четьре тысячи спасутся. А тебе спасения не будет!

— И уйду, — разозлился Степан.

— Я тебя уговаривать не буду, — усмехнулся Калашников. — Сказано: кто хочет погибнуть — пусть гибнет.

Он раскрыл книгу и начал быстро читать. Степан не совсем ясно понимал, о чем идет речь в книге, но его охватил страх. В конце концов не в деньгах же дело. Если правда, что скоро придет армагеддон, никакие деньги не помогут.

Калашников вынул деньги.

— Можешь взять, — кротко сказал он. — Я тебя испытывал и ты не выдержал испытания. Корыстолюбие дьявольское оказалось сильнее твоей веры.

Степан побагровел.

— Верю, брат, — пробормотал он, — прости...

— Бог простит, не я.

Калашников помолчал, потом добавил:

— Усердием в молитве искупишь грех.

С этого дня Степан стал особенно яростным в молитвах. Нужно было искупить грех сомнений. Мысли Степана были заняты одним: что бы еще сделать такое, что доказало бы богу искренность его веры. Репродуктор исчез из квартиры Акимовых еще раньше. Теперь Степан оборвал проводку. Почтальону, который носил дочке «Пионерскую правду», он запретил даже подходить к дверям квартиры. Соседи не узнавали Степана. Он похудел от ночных молений, глядел исподлобья, избегал встреч и бесед.

Потом Калашников объяснил Степану, что окончательно искупить грех сомнений можно только привлекая в секту новых членов, а для этого требовалось общение с людьми. Калашников стал брать с собой Степана на беседы с теми, кто был намечен для вовлечения в секту. Вместе ходили они по квартирам. Калашников говорил уверенно и убежденно. Собеседники его либо помалкивали, либо неумело возражали. И Степан скорее не разумом, а чувством все более верил Калашникову. Да и как было не укрепиться в вере, видя, что любой из тех,

с кем они беседовали, куда менее чем Калашников уверен в своей правоте и ничего проповеднику не может противопоставить.

Дружба с несколькими старыми членами секты довершила начатое Калашниковым дело. Собираясь в молитвенном помещении сектанты не говорили о «делах мирских». Речь шла о библии и грядущем армагеддоне. Иеговисты живописали один перед другим самые фантастические и невероятные картины страшной битвы. Эти картины начали сниться Степану по ночам. Он видел взрывающиеся города, пламенные реки. Слышал грохот, скрежет, плач гибнущих...

Когда Степан стал рассказывать об этих снах братьям, Калашников похвалил его.

— Но не сон это, брат, — объяснял он, — а сила провидения. Знаем мы из библии, что часто виденное во сне повторялось наяву. И бог отметил тебя, Степан, за твоё усердие в молитве особым даром.

Теперь при посещении колеблющихся и начинающих склоняться к вступлению в секту Калашников не обходился без Степана, который со все новыми и новыми страшными подробностями рассказывал о своих снах. А за вечером, проведенным в таких болезненно распляющих воображение разговорах, следовала ночь с новыми кошмарами и новой пищей для дум и бесед об армагеддоне.

Акимов стал поговаривать о том, чтобы Калашников доверил ему самостоятельные беседы с вновь посвящаемыми. Тогда «слуга» открыл Степану, что за одиннадцать вовлеченных в секту простится в дни армагеддона сто грехов. Вскоре он разрешил Акимову действовать самостоятельно.

Степан смело заходил в чужие квартиры. Вспоминая свои первые беседы с Калашниковым, он старался подражать «слуге». И чем чаще возражали Степану, тем более ожесточался он против не желающих принимать новое учение. Потом он перестал даже слушать возражения и ненавидел каждого, кто не хотел принять на веру его проповеди.

Осенью, когда Калашников снова посылал бригаду по селам, он долго наставлял Степана, как вести агитацию. И Степан ездил по деревням, ходил по избам, агитируя, распространяя слухи, пугая народ рассказами

о своих видениях. То в одной, то в другой деревне Степану удавалось привлечь нового приверженца. И хотя их было немного, Степан радовался, что смог оправдать доверие «слуги».

Теперь Степан был убежден, что он на верном пути. Но путь этот привел его на скамью подсудимых.

* * *

— Подсудимый Акимов, признаете ли вы себя виновным? — спросил народный судья.

Акимов встал, облизнул губы и пробормотал:

— Перед богом ни в чем не повинен. Земного суда не признаю.

— Что вы можете сказать по поводу предъявленного вам обвинения?

— Не вам ценить дела мои. Перед армагеддоном господь сам будет знать, сотворил я добро или зло. Сам уничтожит меня в войне или сопричислит к спасенным.

— Мы сейчас не касаемся ваших религиозных взглядов, Акимов. Речь идет о поступках, которые осуждает и ваша христианская мораль. Вы избили ребенка, буйствовали, ударили милиционера. Вам грозит тяжкое наказание. И в ваших же интересах помочь суду разобраться, как все это произошло.

— Сказал наместник бога Иеговы на земле: будьте кротки, как голуби, хитры, как змеи, молчаливы, как рыбы.

— Первую часть этой заповеди вы уже нарушили, — вмешался прокурор. — Избили ребенка до полусмерти. Где же здесь голубиная кротость? А если бы ребенок погиб?

Акимов молчал.

— Вы же иеговист, Акимов, и царства небесного, загробной жизни не признаете. Вы стремитесь к раю на земле, а родную дочь, самое дорогое для вас существо, чуть не лишили жизни!

— Все в руках отца небесного. Стало быть, так он захотел, — тихо проговорил Акимов. Не дожидаясь нового вопроса, он молитвенно сложил руки и, подвывая, начал читать молитву: — Отче наш, иже еси на небеси...

В зале раздался смех. Нелепость поведения Акимова была столь явной, что, несмотря на весь ужас его преступления, кто-то не смог удержаться от смеха.

— В писании сказано: не солги, — продолжал прокурор. — Почему же вы обманывали колхозников села Ключи подметными письмами, проповедуя приближение войны?

— Никому я не писал. Мы ничему не учим. Господь сказал, что каждая душа сама себе дорогу найдет. А в Ключах у меня и знакомых не было.

— Как же не было знакомых? Вы починили избу Горышеву, ставили перегородки и укладывали пол Малышко. Разве они вам незнакомы?

— Это потом познакомились... А когда письма в село пришли, тогда никого не знал.

Судья начал читать письмо:

«Село Ключи. Самому старому по возрасту жителю. Да спасется тот, кто уверовал. Грядет, близок, шум его уже слышен по ночам — великий бой между богом и сатаной, святая война армагеддон...». Дальше все в том же роде и любопытный призыв в конце: «Хочешь спасен быть — перепиши это письмо пять раз, пошли по пяти разным адресам самым близким тебе пяти людям». Итак, Акимов, вы отрицаете, что письмо написано вами?

— Пограмотнее меня люди в армагеддон верят.

— Безусловно, — согласился судья. — Вам должны были объяснить в секте, что грядущий армагеддон провозгласили два очень образованных человека: крупный капиталист Руссель и ученый-юрист Рутерфорд. Но это письмо писали все же не они, а кто-то другой.

— Кто писал, неважно. Писано по наущению божьему. Не человеческая рука, а десница господня водила пером.

— Сейчас мы это установим, — сказал судья.

Встал эксперт, пожилой человек в больших роговых очках. Он извлек из портфеля заключение и, кашлянув, начал читать: «Рукописный текст письма выполнен карандашом черного цвета в медленном темпе. Положение продольных осей букв правонаклонное, высота букв более средней, разгон малый, связанность малая. При сравнении исследуемого текста с несомненным письмом Акимова установлено сходство признаков».

Эксперт долго и обстоятельно перечислял все признаки, по которым он считает, что письмо написано не кем-нибудь, а Акимовым. Судья спросил:

— Ну, Акимов, что вы скажете теперь?

— Не знаю, не верю. Ошибся гражданин.

В зале послышались смешки.

— Если вы истинно верующий, почему же вы скрываете, что писали это письмо?

— Ошибся гражданин эксперт. Пророки и апостолы ошибались, не то что граждане судейские.

Судья попросил встать подсудимого Калашникова.

— Что вам известно об этом письме?

— Запомню брат Степан, — укоризненно покачал головой Калашников. — Он написал мне письмо.

Степан опустил голову.

— Ладно, писал... — глухо признался он.

Больше от него нельзя было добиться ни слова.

По вызову судьи в зал вошел свидетель Петр Смолокуров. Совсем еще недавно Акимов гордился усердным и вдумчивым «новообращенным», рабом божьим Петром. Потом с парнем произошло непредвиденное: он начал дерзить, задавать богохульные вопросы и, наконец, прямо сказал, что уходит из секты. Степан специально поехал в село, где жил Смолокуров, чуть ли не всю ночь напролет спорил с Петром, убеждал, грозил. Ничего не помогало. Уже уходя, в дверях, Степан обернулся и крикнул:

— Лишишься вечной жизни, Петр! Сметет тебя с лица земли рука господня!

Но Петр только засмеялся.

— Не знаю, как насчет господних, а человеческие руки до вас с Калашниковым скоро доберутся.

Сейчас Петр говорил о своем пути к «свидетелям Иеговы».

* * *

Семья Смолокуровых издавна была известна в селе своей религиозностью. Маленький Петя ходил в церковь с бабушкой и матерью. Смолокуров до сих пор помнит первые детские впечатления от блестящего облачения батюшки, грустного, красивого хора. Нравились мальчику и необычный, слегка пряный запах ладана и подрагивающие огоньки свечей.

Мальчик считал, что бабушка и мать молятся для того, чтобы отец вернулся с фронта живым и здоровым. И когда отец действительно вернулся и оказался именно таким, как представлял его себе Петя: высоким, широ-

копечим, со множеством медалей на старой гимнастерке — он обрадованно закричал:

— Папка! Ты вернулся, потому что я за тебя молился!

Антону Смолокурову редко доводилось бывать дома. Профессия монтажника-верхолаза бросала его со стройки на стройку, из одного конца страны в другой. Бабушка и мать показывали Пете газетную вырезку, на которой был изображен отец на фоне огромной, уходящей в небо трубы.

— Там вот он и работает, — объясняла бабушка. — Опасное дело. Но бог его сбережет, если ты, внучек, будешь слушаться старших и молиться.

Мальчики в школе подняли Петю насмех, узнав о том, что их одноклассник ходит в церковь и даже поет на клиросе. Но бабушка, отец Евлампий, объяснил Пете, что огорчаться этим не нужно. Многие терпели за веру, и чем тяжелее были их мучения, тем больше заслуги перед господом.

Учился Петя хорошо, рос тихим, спокойным, старательным пареньком. Соседи всегда ставили его в пример другим детям. И бабушка, и мать объясняли это просто: мальчик, дескать, растет богобоязненным, все от веры. Петя не раздумывал над такими вопросами и считал эти слова правильными.

Шли годы. Со сверстниками Петя на религиозные темы не беседовал. Иногда его поддразнивали, но, так как он не обращал на это внимания, не сердился, как ребята говорили «не заводился», его оставляли в покое. Петя кончил семилетку, курсы механизаторов и начал работать трактористом в МТС, а потом в колхозе. Отец к этому времени перешел на «оседлую» жизнь. В селе построили мастерскую, и он поступил туда работать слесарем. В первые дни после возвращения он посмеивался над набожностью сына, потом просто перестал замечать ее. Никакого вреда она не приносила.

Но Петя и сам начал задумываться над вопросами религии. От природы любознательный, старавшийся всегда докопаться до корня вещей, он не мог не видеть противоречий между библейскими сказками и наукой. Став постарше, он понял и то, что старый священник Евлампий поставлен на свою духовную должность вовсе не богом, а такими же людьми, как он сам. Не было

веры ни в иконы, ни в чудеса, описываемые в святых книгах, ни в жития мучеников, ни в обряды. Но чувство, что есть некое высшее существо, управляющее судьбами людей, не слабело.

Своими мыслями Петр делился с единственным верующим его возраста — шофером Гуськовым. Оба считали, что сама церковь, обряды, иконы, деятельность священников — пережитки смешного средневековья, и можно, относясь ко всему этому не всерьез, все-таки верить в бога и как-то служить ему.

И вот в селе появилось письмо «неизвестных братьев». Смолокуров и Гуськов прочитали его и сразу же поняли, что написано оно сектантами. О сектантах молодым людям приходилось слышать и раньше. Отец Евлампий не раз предупреждал свою паству, чтобы она остерегалась «еретиков». Но подробно о сектах он ничего не рассказывал. Когда в селе стало известно, что остановившийся у вдовы Михеевны столяр говорит о какой-то священной войне, приятели в тот же вечер пошли побеседовать с новоявленным проповедником.

Акимов сразу понравился молодым людям. Очень многое из того, что касалось церкви, икон, обрядов, совпадало в его речах с мыслями Смолокурова и Гуськова. Новыми для них были слова сектанта о том, что не нужно ждать царства небесного, что должно наступить «царство божье на земле».

Получили они и ответы на давно волновавшие их вопросы. У каждого вызвали недоумение противоречия в различных местах библии. Как понять, если об одном и том же событии в одном месте говорится: «Люди видели и пришли в страх, но голоса говорившего они не слышали», и совсем рядом утверждается: «Люди стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя».

Акимова такие несоответствия не смущали. Он объяснил, что сказанное в библии нельзя понимать буквально. Читать эту книгу, как и все священное, нужно «духовными очами».

— Каждый по-своему воспринимал чудо, — объяснял Акимов, — один слышал внутренний голос, перед глазами другого возникали видения.

Он раскрыл библию и нашел там место, где говорилось об «огненном кольце», которое должно охватить землю в дни великой битвы бога с сатаной.

— В старину, — говорил Акимов, — когда писалась библия, когда господь духовно диктовал ее пророкам, не могли они точно представить и назвать видимое их «духовными очами». Старые люди и писали о пламени из рта дракона, об огненном кольце. А мы с вами сейчас знаем, что ждет землю. Немногие уберутся от бомб, от взрывов, от пламени, которое из этих бомб выйдет и пойдет гулять по земле, уничтожая, пожирая все сущее... Умей очистить зерно от плевел, увидеть за словами свет истины... Война близится, и это видит верующий и неверующий. Но только верующему дано понять суть этой войны. Но только истинно верующий познает, как спасти ему себя.

Встреча с Акимовым произвела на молодых людей большое впечатление. Теперь было о чем поразмыслить и подумать. Гуськову и Смолокурову пришлось по душе, что проповедник не дармоед вроде отца Евлампия, а рабочий человек с крепкими и умелыми руками.

— Евлампий-то ради барышей старается, — сказал Гуськов. — А этому какой барыш? Он и сам себя прокормит. Стало быть, истинно верит.

Вскоре и Гуськов и Смолокуров стали членами секты неговистов.

* * *

— Не мог я только понять, — говорил Смолокуров на суде, — почему, например, нельзя свидетелям Иеговы вступать в профсоюз? Почему нельзя читать газет, ходить в кино и слушать радио?

— И как же Акимов объяснил вам это? — спросила народный заседатель Лисицкая.

— Точно не помню.

— Акимов, а вы помните эти объяснения?

— Нельзя, — убежденно ответил Степан, — на профсоюзном билете написано: «Профсоюзы — школа коммунизма». А школа может быть только одна — школа слова божьего.

— А где ваш профсоюзный билет?

— Сжег.

— А почему нельзя слушать радио и читать газеты?

— Грядет великая битва между богом и сатаной. Сатана подсказал людям радио и машины, которые

печатают газеты. Отчего типографщики легкими болеют? Оттого, что с сатанинским отпрыском дело имеют...

— Но есть ведь и неговистские журналы и святые книги, как же быть с ними?

— Они очищены. На них святой крест... Сатана креста боится.

— Скажите, свидетель, и вы во все это верили?

— Верил, — опуская голову и краснея, ответил Смолокуров.

— Как же случилось, что вы решили все-таки отойти от секты?

— Случилось это просто. Приехал я как-то в поселок к Акимову. Захотелось посмотреть, как у них моления проходят. Там-то я и понял, что это за секта.

— Расскажите об этом подробнее.

— Видел я и раньше у Акимова журнальчик «Башня стражи». Когда познакомили меня с Калашниковым, я заинтересовался: откуда, мол, этот журнал. Оказалось, что печатается он в Бруклине, в Соединенных Штатах, и оттуда нелегально пересылается к нам. Спрашиваю, почему, мол, нелегально. Объясняют — чтобы не осквернить журнал... Если неверующие будут читать — оскорбление откровению божественному. Тогда меня сомнения взяло. Как же так? Ведь неверующих нужно привлекать на свою сторону, агитировать... Почему же тогда библия не оскверняется?

— Калашников, вы помните этот разговор?

— Да, помню. Я объяснил, что таково предназначение господне. Смолокуров был молодым членом секты и должен был ждать, пока бог ему откроет свои тайны... Грешно задавать такие вопросы. Это искушение сатаны.

— Ну и как, Смолокуров, удовлетворил вас этот ответ?

— Нет. С него все и началось. Я шел к этим людям за истиной, а они сразу мне путь к ней отрезали. Дескать, не твоего ума дело... А тут еще «связник» приехал.

— Какой «связник»?

— Точно я не знаю, откуда он, но говорили, что из стрелы.

— Что это такое «стрела»?

— Это руководство всех неговистов области или края.

— Фамилию «связника» знаете?

— Нет. Не называли. Калашников только меня представил: парень, мол, стоящий, может стать оплотом истинной веры, но одолеваем сомнениями. «Связник» попросил меня высказаться откровенно и обещал ответить на все вопросы.

— И ответил? — спросила Лисицкая.

— Ответил, — усмехнулся Петр. — Только от этих ответов совсем охота пропала с неговистами дело иметь.

— Что же он отвечал?

— Я спрашиваю: если, мол, наше дело правое, зачем тогда к Америке обращаться за помощью? Он говорит: «Исторически получилось так, что Америку избрал бог как страну, откуда должна распространиться новая вера». Я заинтересовался: не случится ли так, что к вере примажутся неверующие, враги нашего народа, и сделают нас слепым орудием в своей антисоветской деятельности? Тут «связник» разозлился и сказал: «Если ты болеешь за божье дело, то ничем не должен брезговать ради него». Больше я вопросов не задавал — и так все стало ясно.

— Калашников, — обратилась Лисицкая к подсудимому, — расскажите суду, за что вас упрекает руководство стрелы в письме?

— В каком письме?

— В том, что нашли у вас при обыске. Вы помните содержание этого письма?

— Нет.

Казаков зачитал письмо: «...Мы неоднократно указывали вам, что для большинства новообращенных отношение секты к власти является самым большим вопросом. Верующие, которые охотно беседуют на религиозные темы и без возражений отказываются от кино, радио, профсоюза, тем не менее вступают в конфликт с проповедниками, когда дело касается отношения к власти. Попытка обратить Смолокурова без надлежащей подготовки была, как сообщает нам брат Азарий, грубой ошибкой. Прежде чем обращать такого человека, следовало бы оторвать его по возможности от влияния советской жизни. Смолокуров, по информации брата Азария, хороший тракторист, исправно работает

в колхозе. Никаких претензий к власти у него нет и быть не может. Если уж привлекать таких людей, их следует сначала оторвать от коллектива, сделать так, чтобы они на власть обиду почувствовали...».

— Знакомо вам это письмо? — спросил народный судья.

— Знакомо. Мало ли что они напишут. Это ж не значит, что я с ними согласен.

— А что это значит: «Сделать так, чтобы люди на власть обиду почувствовали»?

— Не знаю. Спрашивайте у тех, кто писал.

— Но инструкция-то вам была дана. Вы собирались ее выполнять? Как вы сами относитесь к власти?

— Я так понимаю, — ответил Калашников, — что власть должна быть одна — сам бог.

— Но ведь евангелие учит, что всякая власть от бога?

— Всякая власть богом ставится, да не всякая богу нравится. Иную он во испытание верующим шлет... А мы за то, чтобы слушать бога прямо, из уст его, помимо любой власти...

Казаков полистал дело и спросил:

— Где вы проживали до 1930 года, Калашников?

— У вас же записано, — недовольно ответил «слуга», — в Пензенской области.

— Почему переменили место жительства?

— Хозяйство отцовское отобрали.

— Как это отобрали?

— Раскулачили.

— А вы тут при чем? Вот в деле справка, что вы подали заявление, что не имеете с отцом ничего общего, совместного хозяйства не ведете, живете на зарплату, которую получали как бухгалтер райпотребсоюза.

— Все равно односельчане косились. Морально тяжело было там оставаться.

— К какой секте вы тогда принадлежали?

— Тогда ни к какой.

— Значит, к православной церкви?

— Нет. Тогда неверующим числился.

— Когда же вы уверовали?

— После переезда на Дальний Восток.

— Там и вступили в секту?

— Да.

— И работали бухгалтером?
— Нет. Там не работал. Стал проповедником.
— На что же вы жили?
— На dobroхотные даяния верующих.
— До какого года вы жили на Дальнем Востоке?
— В 1941 году был мобилизован в армию.
— Как вы попали на оккупированную территорию?
— По дороге на фронт наш полк разбомбили. Я отстал от своих и попал в окружение. Встретил брата по вере, сектанта из Белоруссии. Он меня и укрыл. Потом достал фальшивые документы. Но немцы выследили меня и предложили: или пойдешь служить в полицию, или расстреляем. Пришлось пойти, но никого не убивал, не бил... Когда подошли наши, меня арестовали. Наказание отбыл полностью.

— Находясь на службе в полиции, вы носили оружие?

— Носил. Только не заряжал никогда.

— А почему вы так боялись смерти? В те времена вы были баптистом. По баптистским верованиям, если я не ошибаюсь, умерший насильственной смертью имеет особые привилегии в царстве небесном.

— Слаб человек. Столько несчастий тогда на меня свалилось, что на время веру в бога утратил.

— А когда опять начали верить?

— В заключении.

— Там и ячейку секты организовали?

— Было дело.

— И опять dobroхотными даяниями пользоваться начали?

— Давали, я и брал...

— После освобождения вы хоть один день занимались общественно полезным трудом?

— Перед армагеддоном всякий труд бесполезен.

— Скажите, Калашников, вы рекомендовали Акимову не разрешать дочери вступать в пионерскую организацию?

Калашников наморщил лоб, словно припоминая, и отрицательно покачал головой:

— Не было такого разговора.

— Как вообще относится секта к тому, что дети ее членов вступают в пионеры?

— Мы не за и не против, — пожал плечами Калашников, — дело совести каждого. Человек хочет спастись

и опасается, что из-за детей погибнет в огне армагеддона.

— А как относятся сектанты к тому, что их дети получают образование?

— Ни к чему оно, — забормотал подсудимый. — Нужно уметь писать и читать. А все остальное из библии и сам узнаешь...

— Поэтому вы рекомендовали родителям забирать детей из школы?

— Поэтому.

— Зачитываю справку, — проговорил судья, вынимая из конверта бумагу: «На ваш запрос сообщаем, что Калашников Павел Афанасьевич окончил в 1956 году гидротехнический факультет Политехнического института и работает в настоящее время инженером на строительстве межколхозной ГЭС». Скажите, подсудимый, кем вам приходится Калашников Павел?

— Сын.

— Как же случилось, что вы разрешили и сыну и дочери получить высшее образование? — спросил судья, рассматривая вторую справку.

— Сказано в писании: слаб человек. Демонское искушение сильнее меня оказалось. Денно и ночью этот грех замаливаю...

— Вы советовали Акимову дочь избивать?

— Не помню. Не говорил такого.

Вызвали свидетеля Никифора Сергеевича Акимова, младшего брата Степана.

Он рассказал суду, что с тех пор как Степан вступил в секту, супруги Акимовы стали водить девочку с собой на неговистские моления, не давали ей делать уроки. Ребенок часто уходил в школу невыспавшимся, с головной болью. Никифор по приглашению Калашникова и настоянию Степана побывал два раза на этих молениях — больше не захотел. Девочка молилась вместе со взрослыми, старалась не отставать от них. Когда Никифор спрашивал Валю о причинах такого религиозного усердия, она объясняла, что боится отца, который «сам не свой стал».

За несколько дней до происшествия Никифор, зайдя в квартиру Акимовых, застал девочку плачущей. Оказалось, что она рассказала родителям, что все дети из их класса будут вступать в пионеры, и попросила у отца

денег на покупку галстука. Отец наотрез отказал ей и прямо пригрозил: увижу, мол, в галстуке — убью!

Никифор пробовал побеседовать на эту тему со старшим братом. Степан отрезал:

— Я на твоё неверие не нападаю. Живи, как хочешь, но и моей веры не касайся.

15 сентября Никифор встретил радостную Валию, идущую из школы вместе с подругами. Ветер играл концами её нового красного галстука. Оказывается, утром перед занятиями она забежала в поселковый магазин и попросила у продавщицы галстук «в долг». Та, узнав в чём дело, подарила девочке красный галстук. Вместе со всем классом Валя приняла торжественное обещание и с этого дня стала пионеркой.

— Я предложил Вале, — рассказывал свидетель, — оставить галстук мне и заходить за ним каждое утро. Домой ей показываться в нём было нельзя. Девочка ответила, что она знает — папа будет сердиться, но галстук она спрячет дома.

— Кто присутствовал при этом разговоре?

— Говорили мы на улице. Слышать нас никто не мог. Но в это время проходил мимо Калашников. Я тогда сразу подумал: наябедничает этот фрукт Степану, и ещё раз посоветовал Вале отдать галстук мне. Но она опять отказалась.

— Вы подтверждаете эту встречу, Калашников?

— Была такая встреча.

— И вы действительно сообщили Акимову, что видели его дочь в пионерском галстуке?

— А что? Разве я что-нибудь преступное сделал? Сказал и все. Правду же сказал.

— Вечером я зашел к брату, — продолжал Никифор Акимов. — Его не было дома. Сказали, что он ушел к Афанасию Калашникову. Тут-то мне и нужно было задержаться, посидеть, подождать, пока он вернется и защитить девочку. Но час был поздний, и я подумал, не станет же Степан среди ночи скандалить из-за галстука, а утром я с ним поговорю. Только утром он был уже в милиции, а Валя в больнице.

— Пригласите свидетельницу Акимову, — попросил судья.

В зале послышался легкий шум. Вошла Мария Михайловна. Лицо женщины было бледно, по тому, как

беспокойно теребили ее руки темную косынку, было заметно, что она сильно волнуется.

Когда Марин Михайловне предложили рассказать обо всем, что ей известно по делу, она всхлипнула и поднесла к глазам платок. Судьи терпеливо ждали, пока женщина справится со своим волнением.

— Я ему говорила, — глухо начала она, — что ты, Степан, делаешь. Не может быть богу угодно, чтобы ребенка так бить. Ну скажи ей, пожюри ее, в угол поставь. Ну отшлепай. А он...

Видимо, картина происшедшего была еще очень свежа в памяти матери, и она снова всхлипнула.

— Пришел он от Афанасия сам не свой. Первым делом — ко мне. «Сатане, мол, служишь! Зачем девке деньги на галстук дала?» Я говорю: слышать не слышала, видеть не видела. Тогда он — к вальечкиной кровати. На ходу ремень снимает. Я прошу: уймись, Степа. А он... В доме у Афанасия вина не пьют, а то бы подумала, что пьяный. Оттолкнул меня и схватил девочку за плечо. «Праотец Авраам принес, — говорит, — в жертву сына, ибо Иегове это угодно было. Верно меня Афанасий надоумил». Я в руки ему вцепилась. Он так толкнул меня, что в глазах потемнело... Сами видите, какой он здоровый. Кричит на Валью: «Где галстук?» А она у нас с характером: как заупрямится — беда с ней. Я же понимаю, Степана не остановишь, прошу: скажи, дочка, где галстук, выбросим его, и все спокойно будет. А она свое: не отдам, ни за что не отдам. Степан кричит: «Правильно брат Афанасий велел мне дух сатанинский из девки выбить». Тут он совсем озверел и драться начал. Я его опять за руки удержать хотела. А он бьет и бьет. Вальечку бьет и меня бьет. Потом Соколкин вбежал и отнял девочку.

— Скажите, свидетельница, телесные наказания были прежде заведены в вашей семье?

— Пока с Афанасием не спознались, ничего этого не было. Раз только, еще Валя в школу не ходила, отец легонько шлепнул ее. Но не всерьез, а так, для острастки. А потом ушел и притащил конфет, яблок и все говорил: ты меня, дочка, прости. А как стали на моления ходить, так он хмурый сделался, сумрачный и все грозился ремнем. Но дрался в первый раз... Или нет, был и раньше такой случай.

— Из-за чего?

— Да из-за кино. Строго-настрога наказал он дочерн: в кино ходить не смей. А ей же посмотреть интересно. Я потихоньку ей деньги на кино давала. Пусть, думаю, будет грех на моей душе. А тут он и нашел в фартучке, в кармашке билет. Забыла она выбросить... Но сильно он не дрался.

— Почему же ваш муж запрещал ходить дочери в кино?

— Нельзя. Кино от сатаны. Радио слушать и газеты читать тоже нельзя. Патефон я продала, потому как и пластинки слушать нельзя. Калашников говорил, что если музыка нравится, значит сатана искушает.

Внимание всех присутствующих было обращено на Марию Михайловну. Поэтому никто не заметил перемены в поведении Калашникова. До сих пор спокойный, даже вялый, он облокотился на барьерчик, отделявший места подсудимых от зала, и буквально впился глазами в свидетельницу.

Судья перелистывал дело, Мария Михайловна ждала нового вопроса. Калашников даже рот приоткрыл от нетерпения.

— Скажите, свидетельница, с каким предложением приходил к вам Калашников на следующий день после задержания вашего мужа?

Женщина молчала. Все повернули головы в сторону подсудимого. Руки его нервно скребли деревянный барьер.

— Говорил он, — медленно и робко начала свой ответ Мария Михайловна, — что вызовут меня к прокурору и что, если я прокурору все расскажу, Степана на всю жизнь осудят, а меня и Валью сошлют. Но если я так скажу, как он учил, секта нас с девочкой на курорт отправит на два месяца.

Калашников крикнул:

— По злобе наговаривает! Мужа посадить хочет, а себе другого найти... Помни, Мария, придет армагеддон и не спасешься ты, как Иуда, предавший Христа...

По измученному лицу женщины снова потекли слезы.

— Какой из тебя Христос, Афанасий. Христос не учил врать, а ты учил. Ты же мне говорил: не из-за того, мол, побил Степан девочку, что галстук надела, а за то, что будто бы деньги у меня украла.

— Не говорил я этого!

— А зачем мне врать? Если я вру, то пусть от армагеддона я и погибну, если ты правду говоришь, то спасешься... Чего же ты заволновался?

— Беспокойся: а вдруг армагеддон не состоится! — выкрикнул кто-то в зале.

— Вы остались в секте? — спросил судья женщину.

— Нет, Афанасий выгнал. Как сказала я, что прокурору правду говорить буду, проклял он меня.

— Но вы продолжаете верить в армагеддон и другие вещи, о которых вам говорили в секте?

— Ничего я не знаю, — грустно ответила женщина. — Ведь когда принять просила, думала о том, чтобы ребенка спасти. А как увидела вальечкину спинку с полосами кровавыми, так подумала: это же страшнее всякого армагеддона. Пусть будет, что будет, а девочку бить не дам...

— Вам известно, что Калашников дал своему сыну высшее образование, а дочь его заканчивает институт?

— Он же говорил, что бездетный! — воскликнула женщина и, обернувшись к Калашникову, резко спросила: — Так кто же из нас Иуда, Афанасий? Кто спасения достоин, а кто гибелен?

— Глупая женщина! — закричал Калашников. — Ложь ради святого дела удобнее господе, чем истина, служащая сатане!

Судья предупредил Калашникова, что если он будет кричать, то его выведут из зала.

Перед судом стояла теперь молодая женщина с толстыми белокурыми косами, уложенными короной вокруг головы, учительница Покровская, в классе которой Валя проучилась три года.

Она рассказала суду, что обратила внимание на ласковую, прилежную девочку еще в первом классе. Самого лучшего мнения была учительница сначала и о семье своей ученицы. Акимов частенько навещался в школу, справлялся об успехах дочки, советовался с учительницей, как правильно воспитывать ребенка. Потом все переменялось. Мать еще заходила в школу несколько раз, но слушала учительницу невнимательно. Казалось, что какие-то неотвязные мысли целиком занимают женщину. Девочка стала приходить в школу невыспавшейся, иногда с невыученными уроками. По-

кровская забеспокоилась и пробовала говорить об этом с Вале́й, но ничего не доби́лась. Она пришла к Акимовым домой. Встретили ее, как и прежде, приветливо, угощали чаем, выслушивали, но чувствовалась какая-то настороженность и тяжесть обстановки в семье.

Через несколько дней подружки Вали проговорились учительнице, что Акимовы водят дочь на сектантские моления. Валя расплакалась, когда учительница спросила ее, правда ли это, но подтвердила, что иногда проводит в душной молитвенной комнате, распевая непонятные ей песнопения, целые ночи. В тот же день Покровская снова была у Акимовых. На этот раз ее приняли с холодной, настороженной вежливостью. Степан Сергеевич подтвердил, что девочка бывает на молениях, но заявил, что дочь ему доро́га не менее, чем учительнице, и делается это лишь для блага самой Вали. Покровская поняла, что убедить Степана ей не удастся.

Она попыталась обратиться за помощью к работникам завода, но там ей ответили, что Акимов с работы уволился и никакого отношения к коллективу больше не имеет. Учительница говорила с представителем районо, надеясь, что он подскажет ей выход из положения, но этот товарищ только посочувствовал ей и объяснил, что органы народного образования в таких вопросах бессильны. Вот если бы налицо были случаи истязания или родители опорочили бы свой гражданский облик, то можно было бы ставить вопрос о лишении их родительских прав.

Так и не доби́лась Покровская помощи, а тут Степан отправился в путешествие по селам. Валя осталась с матерью, повеселела, перестала ходить на ночные моления, и все, казалось, идет по-прежнему. О том, что отец категорически запретил девочке вступать в пионеры, Покровская не знала.

Суд поинтересовался, как училась Валя. Покровская отзывалась об учебе девочки с большой похвалой. Она способна, но главное не в этом, а в трудолюбии ее, прилежании, дисциплинированности. Даже в те дни, когда девочка посещала моления, она получала только четверки и пятерки.

...Ничто, казалось, не могло вывести Степана из его апатичного состояния. Даже в те минуты, когда весь зал с негодованием вслушивался в слова судебно-меди-

цинского эксперта, Степан сидел так, будто его ничто не касалось.

Эксперт обстоятельно перечислил следы побоев на теле ребенка. Он сообщил, что исследованием подтверждено предположение, что, кроме кровавых рубцов на спине и боках девочки, ей было причинено еще и сотрясение мозга. Мария Михайловна, сидевшая на одной из первых скамей в группе женщин, громко заплакала.

Казаков продолжил допрос Акимова. Тот ничего не отрицал. Отвечал односложно и угрюмо.

— Вы пытались проникнуть в квартиру Соколкина?

— Пытался.

— Для чего вы хотели это сделать?

— Дочку забрать.

— Зачем вам понадобилась девочка?

— Допытаться хотел, куда галстук скрыла.

— Зачем вам нужен был галстук?

— Сжечь нужно.

— Для чего? Понятно, что вас тревожит галстук на шее у девочки. Но чем вам мешал спрятанный галстук?

— Он все равно знак сатаны. Будешь жить в комнате, где знак сатаны, — погибнешь.

— А для чего вы пытались сорвать погоны у работника милиции?

— Чтоб не в свое дело не лез. Сказано: «Да распорядится отец телом отпрыска своего».

* * *

После перерыва слово было предоставлено общественному обвинителю — пожилой учительнице Наталье Матвеевне Карасевой.

Наталья Матвеевна встала, не спеша собрала листки с конспектом речи и посмотрела в зал. Казалось, что сейчас она произнесет те слова, что слышали от нее, вероятно, три четверти присутствующих в этом зале в далекие школьные дни: «Здравствуйте, дети!»

Но Наталья Матвеевна обернулась к судьям и произнесла совсем другие слова. Очевидно, ей приходилось пользоваться ими первый раз в жизни, и, может быть, поэтому они прозвучали так значительно и торжественно: «Товарищи судьи!».

Наталья Матвеевна говорила так, как привыкла она обращаться к классу за долгие сорок лет преподавания:

неторопливо, спокойно, с паузами, чтобы дать аудитории возможность лучше понять сказанное.

— Помнится мне, — негромко рассказывала учительница, — первый год моих занятий в школе, тысяча девятьсот восемнадцатый. Шла тогда гражданская война, фронт подходил к нашему поселку. Слышно было, как стреляют пушки. Ученики мои волновались, переживали, им было не до учения. Как-то не пришел на занятия один мальчик, самый слабый мой ученик. Товарищи его рассказали, что отец вечером так избил парнишку, что тот ходить не может. Побежала я к ним в избу. Встречает меня солдат на костылях. Спрашиваю, где мальчонка. Лежит, говорит. Почему лежит? Проучил, отвечает.

— Как так?

— А что же мне с ним делать, — вздыхает солдат. — Мы на фронте жизни не жалеем, чтобы дети в школу ходить могли, ногу вот мне перебило, а он ленился...

Молодая я была тогда, беспокойная. Накричала на этого солдата. Гляжу, а у него на глазах слезы.

— Барышня, говорит, учительница, за что же это вы на меня? Я ж добра ему хотел. А как ему ума вложить? Хочу, чтобы сын грамотным стал, а не таким, как я, темным...

Учительница умолкла. Казалось, что она не видит сейчас сидящих в зале, а перед ней встает далекая-далекая картина: плачущий солдат в тесной, темной избе.

— Что греха таить, — продолжала Наталья Матвеевна, — сколько раз за сорок лет сталкивалась я с такими способами «вкладывать» детям ум. И сейчас встречаются родители, не знающие других средств воспитания, кроме ремня да подзатыльников. Но любой из этих случаев отличается от нынешнего по самой сути своей.

Те родители неумело, грубо, иногда даже дико стремились в конечном счете к хорошему. Хотели правильно воспитать детей, заставить их лучше учиться, лучше вести себя. А что же вы, Степан Сергеевич, сделали? За что вы били Валю? За успехи, за прилежание, за примерное поведение? За то, что девочка хотела примером для всех других быть?

Мы слышали здесь допрос Калашникова. Он отравлял сознание Акимова и других членов секты рассуждениями: дескать, ни к чему детей учить. Знание — это от сатаны.

А своих детей Калашников послал в высшие учебные заведения. Он прекрасно понимает, что в наше время знания необходимы.

Чего боялся Калашников? Ответ прост. Знающего, образованного человека не так-то легко одурачить, опутать темной паутиной уродливых сказок, сделать покорным рабом тупых и жестоких предрассудков.

Калашников пытается изобразить себя борцом и страдальцем за веру. Посмотрим, что это за идейный, преданный своему делу борец. Вы от него самого слышали, что прежде он был баптистом, а потом переметнулся к иеговистам. До этого, как уже известно суду, Калашников был лютеранином, а еще раньше — православным. Четыре веры переменял человек.

Может быть, он искал истину? Может быть, такая уж у него натура правдолюбивая? Нет, другое. искал Калашников. При обыске у него были обнаружены четыре сберегательные книжки на общую сумму в 95 тыс. рублей. Калашников пробовал доказать, что это его трудовые сбережения. Но ничего не вышло. Фактически он не работает. Числится надомником посудной артели. Зарботки его там смехотворные — 150—200 рублей в месяц. Только чтобы не выгнали. Потом Калашников признался, что все это — добротные даяния единоверцев, и деньги, мол, принадлежат богу. Зачем богу деньги, неизвестно. Он не пьет, не ест, домов не покупает. Православные — те собирают деньги на ремонт и украшение церквей, на монастыри. У иеговистов нет ни церквей, ни икон, ни монастырей. Куда же идут эти деньги? Следователь заинтересовался этим вопросом, и что же выяснилось? 14 июня 1957 г. с одной из книжек Калашникова было снято 42 тыс. рублей. Через неделю Калашников оформил купчую на дом, в котором он сейчас живет. Оказывается, бог поручил Калашникову не только собирать деньги, но и расходовать их для своих нужд.

В зале засмеялись. Наталья Матвеевна тоже улыбнулась, но тут же строго поглядела на присутствующих. Трудно было поверить, что всего несколько секунд назад

эта женщина улыбалась. Голос ее внезапно стал громче и сильнее.

— От имени всех честных людей я обвиняю вас, Калашников, в прямом подстрекательстве Акимова к гнусному его преступлению. Я обвиняю вас в том, что вы, пользуясь душевной слабостью и необразованностью этого человека, сделали из него нерассуждающее, слепое орудие для ваших корыстных целей. Вам нужен был мастер с золотыми руками. Через него было так удобно выкачивать деньги из карманов колхозников. Вам нужен был фанатик, проповедник вашего учения, простачок, искренне верящий во все те сказки, которые вы вбили в его одурманенную голову.

Вы очень слабы, Калашников. Вы отлично это знаете и всего бонтесь. Вас испугала маленькая девочка, ее красный галстук. Испугала вас даже родительская любовь Акимова к дочери. Почему? Это ясно. Любое светлое, хорошее, благородное чувство может стать тем камнем, на котором споткнется ваше так называемое «учение». Прикрываясь красивыми словами, вы учите, по сути дела, ненависти к человеку, безжалостности, презрению и жестокости по отношению к ближнему своему. И вам страшна настоящая, сердечная любовь.

Мы слышали тут ваши рассуждения о свободе религии, об армагеддоне, о спасении ста сорока четырех тысяч человек. Вы, неговисты, выдаете себя за спасителей. А кто вы есть на самом деле? Кому вы служите? Я отвечаю на эти вопросы.

Секта «свидетели Иеговы» возникла в конце прошлого столетия в Соединенных Штатах Америки. Первоначально возглавлял секту один из ее создателей, предпринимчивый проповедник, капиталист Руссель. Руководящий центр секты и сейчас находится в Соединенных Штатах, в Бруклине.

Как и у любого капиталистического концерна или банка, у американской секты «свидетели Иеговы» есть свои филиалы во многих странах мира. Бруклинский центр имеет свое издательство, которое выпускает пропагандистскую литературу: журнал «Башня стражи», «сочинения» Русселя, Рутерфорда на десятках языков, в том числе и на русском.

В чем же заключается сущность этой пропаганды? Что исповедуют и что проповедают «свидетели Иеговы»?

Ссылаясь на библейские тексты (которые, кстати, толкуются вкось и вкривь, а порой и просто фальсифицируются), неговисты провозглашают тезис о том, что любой государственный строй есть «орудие сатаны». На деле же они обливают потоками злобной клеветы порядки в социалистических государствах, а порядки в странах капитала восхваляют с лакейским подобо-страстием. Слезно толкуя о любви к ближнему, об отказе от пролития человеческой крови, неговисты в то же время объявили греховой борьбу народов за мир. Они запретили своим последователям подписывать воззвания о защите мира, о запрещении атомного и водородного оружия, они клеветают на благородную деятельность сотен миллионов сторонников мира.

Они не только выступают против мира, не только предрекают человечеству неотвратимую гибель в армагеддоне; подпольная агентура бруклинского центра пытается в странах социалистического лагеря идейно и духовно разоружить людей, посеять пессимизм и уныние.

Может ли быть свобода для такой религии в нашей стране — стране, где процветает наука, стране, которая возглавляет борьбу за мир во всем мире! Кому нужна такая свобода религии, кому нужны секты, подобные этой? Только врагам, только тем, кто не хочет настоящей свободы! Вы, Калашников, на словах проповедовали любовь, спасение, а на деле — человеконенавистничество.

Я обвиняю вас, Калашников, в том, что вы отняли у Акимова самое светлое и солнечное чувство, которое может быть у человека, — любовь к своему ребенку. Вы ограбили Акимова, лишив его любви к жизни, ко всему, что делает существование человека праздничным и красивым. Я обвиняю вас в прямом подстрекательстве подсудимого к его черному, изуверскому преступлению.

Вы, Калашников, понимали, что в сердце Акимова борются два начала: одно мрачное, злобное, человеконенавистническое — то, что внушено вами, второе — светлое чувство к дочери. Оно до поры до времени не мешало вам, но вы с ужасом ждали того дня, когда девочка встанет вам поперек дороги, и знали, что она может победить. Поэтому вы старались заранее поско-

рить отца с дочерью, натравить Акимова на Валю и отпугнуть Валю от отца. В день того ужасного случая вы не только рассказали Акимову, что видели его дочь в красном галстуке, но и, пользуясь своим влиянием, заставили его избить девочку. Это совершенно ясно из показаний свидетельницы Акимовой. В тот вечер Степан пришел от вас таким взвинченным и взбудораженным, что пьяные и то трезвее кажутся.

Я обвиняю вас, Калашников, и в том, что и после страшного несчастья вы продолжали свои интриги. Мы слышали здесь о попытках подкупа и шантажа свидетельницы Акимовой. Мы видим Акимова, который либо молчит, либо плетет какую-то несусветную чушь о воле божьей. И каждому ясно, чьих рук это дело. Сами вы не гнушаетесь никакими средствами, чтобы выйти сухим из воды: лжете, юлите, пытаетесь отмолчаться. А Акимова вы уверили, что он великий мученик, что он получит от господ наград за свою верность вашим бредовым идеям.

Я как учительница, свыше сорока лет воспитывающая детей, как мать и бабушка, как советский человек, ненавидящий тьму, зло, обман, прошу суд изолировать Калашникова от нашего общества, назначить ему строгое наказание.

В зале раздались возгласы одобрения. Наталья Матвеевна продолжала:

— Я обвиняю Акимова в том, что он позволил сделать себя каким-то полусумасшедшим выродком. Акимов когда-то учился у меня. Были тяжелые дни, и он, не окончив школы, пошел работать. Я понимала чувства Акимова, когда он много позднее сказал мне о своей дочери: «Девочка-то пятерки и четверки приносит. Пожалуй, выйдет из нее что-нибудь получше, чем столяр». Сказал он это в своей обычной манере, так буркнул между прочим. Но в глазах отца я видела гордость и надежду на то, что девочке будет очень хорошо и светло в жизни. Но все это было до того, как Акимов стал неговистом.

И вот сегодня я обвиняю его в том, что он забыл об обязанностях отца, что он день за днем отравлял жизнь дочери, старался уничтожить в ней все светлое и чистое, что есть в ребенке, и превратить ее в идиотку-фанатичку...

Наталья Матвеевна напомнила события 15 сентября. Еще раз развернулась перед слушателями картина дикого избиения.

— Я обвиняю вас, Акимов, — строго сказала Карасева, — также в том, что вы подняли руку на граждан, пытавшихся спасти от вас вашего же ребенка. Неужели вам не кажется чудовищным ваше поведение?

Соколкин, скромный, очень тихий человек, не боялся вашей ярости и ваших кулаков, вошел и отобрал у вас дочь. Все, кто проходил в этот момент мимо вашего дома, призывали вас облагоразумиться, прекратить бесчинство. Когда в дело вмешался сержант Коршунов, вы затеяли с ним драку...

Степан сидел безмолвно и неподвижно, будто речь общественного обвинителя его не касалась.

— Я прошу суд сурово наказать Акимова, — говорила Карасева. — Кроме того, я считаю, что он должен быть лишен родительских прав. Сегодня утром мы узнали, что общественность нашей области добилась направления Вали в пионерский лагерь «Артек». Чужней по крови, но родные по духу люди позаботились о ней. Врачи и сестры больницы не спали ночей, чтобы скорее восстановить здоровье ребенка. Я позволяю себе зачитать несколько выдержек из писем, присланных неизвестными людьми, узнавшими о преступлении Акимова.

«Это зверство, — пишет рабочий-строитель Прохоров, — вызвало у всех нас величайший гнев и негодование. Акимов, наложивший свои грязные руки на дочь пионерку, должен понести самое суровое наказание...»

Вот письмо отца двух детей, товарища Букатова: «Я не мог оставаться равнодушным к такой жестокости и подлости взрослого человека по отношению к своему ребенку. Мое мнение такое: приговор Акимову должен быть самым строгим».

«Иуды под маской святости, оказывается, еще встречаются в нашей жизни, — читала Наталья Матвеевна. — Тот, кто поднял поганую лапу на красный галстук, должен быть строго наказан. Я имею трех детей с красными галстуками. И этим я горжусь, потому что мои дети — счастливые дети. Они живут под солнцем радости и счастья», — так пишет инвалид Отечественной войны Коропцов.

Писем, подобных тем, выдержки из которых я вам прочитала, десятки. И все люди, писавшие их: рабочие, колхозники, служащие, пенсионеры — вместе со мной просят вас, товарищи судьи: самое строгое наказание изуверу!

Я думаю, что будет правильным, если суд вынесет частное определение по поводу отношения к Акимову руководителей и профсоюзной организации радиозавода. Их равнодушие к судьбе члена коллектива — одна из причин вступления Акимова в секту. Товарищи с завода могут сказать: это, мол, исключение, единичный факт. Но в нашем обществе не имеет права на существование даже единичный факт изуверства.

Перед нами раскрылась картина того, как постепенно и упорно всасывала секта в свои сети Акимова. Он был одинок. Никто не пришел ему на помощь, никто не поддал дружескую руку, чтобы помочь выбраться из болота. Не было, мол, сигналов! Нельзя же, товарищи, ждать, пока человек попросит спасти его. Больше чуткости, больше внимания каждому человеку! Нужно знать, чем он живет, что у него на душе, как можно скорее и действеннее прийти ему на помощь в трудную минуту. Пусть же случившееся будет всем нам хорошим уроком.

Наши общественные организации — гигант, по сравнению с которым секта — жалкая мошка. Как же получается, что этой мошке становится известно и раньше и лучше то, что происходит в душе человека? Объяснение не очень сложное. Сектанты воевали за Акимова, а мы отмахнулись от него. Вот и все, что я хотела сказать.

Затем слово было предоставлено государственному обвинителю.

Прокурор района Трифонов полностью присоединился в своей речи к тому, что говорила учительница. Он подчеркнул, что обвинение полностью доказано, и просил суд наказать виновных по всей строгости закона.

В зале послышался шепот, когда председательствующий объявил о том, что слово имеет адвокат Сапожников.

Молодой еще человек, он, по-видимому, чувствовал себя неуверенно, понимая, что симпатии всех присутствующих не на стороне его клиента.

Сапожников и не стал оправдывать Акимова. Он говорил главным образом о том, что суд должен учесть то влияние, которое оказал Калашников на его подзащитного.

— Судебнопсихиатрическая экспертиза, к которой пришлось прибегнуть ввиду, я бы сказал, слишком необычного поведения подсудимого, признала его полностью вменяемым, — говорил адвокат. — Но мы не можем пройти мимо того факта, что впечатления нормального человека Акимов не производит. Сектанты напесли ему глубокую душевную травму, он слепо верит в самые сумасбродные басни и выдумки. И я прошу суд при назначении наказания учесть, что главный виновник не он, а те, кто довел Акимова до состояния иступления, кто превратил его в получеловека.

Защитник Калашникова тоже не отрицал вины своего подзащитного, но старался доказать, что тот не предвидел такой жестокости со стороны Акимова.

О том же рассуждал в последнем слове и Калашников. Но и он вынужден был признать, что эта история лежит у него на совести.

— Не одну ночь проведу я в разговорах с богом, — причитал Калашников, — замаливая пролитую кровь невинно пострадавшей отроковицы Валентины. Но не думал я никогда, что дело дойдет до этого. Полагал, пожурит ее отец, ну пошлепает, ну ремнем в крайнем случае разок хлыстнет слегка. Так и думал — свидетель бог!

— Вы бы свидетеля понадежнее выбрали, — вырвалось у народного заседателя Ярошенко.

Когда за барьером поднялся Степан Акимов, зал насторожился.

— Выступала тут жена моя и другие... — глухо сказал Степан. — Калашников много говорил. Называли меня темным человеком, доказывали, что глуп... Даже к доктору водили — не сумасшедший ли я? А я ничего не знаю: где правда, где нет ее. Верил я тебе, брат Афанасий, больше чем самому себе. Восставало все во мне против твоей лжи, но говорил ты: богу она угодна — верил и соглашался. Может быть, и сейчас сатана меня подталкивает и слова нашептывает, может, слаб я духом и погибнуть мне суждено. Но не могу я идти против дочки и Марии. Что ты мне за них дашь, Афанасий?

Блаженство тысячелетнее? А какое мне без них блаженство? Пусть уж, если погибать нам, так всем вместе!

Он умолк и в наступившей тишине стал слышен громкий шепот Калашникова:

— Что делаешь? Украшение секты, верный раб господень, а такое говоришь...

Судья сделал Калашникову замечание. А Степан, казалось, не слышал ни реплики «брата», ни замечания.

— Многое я видел, что не нравилось мне. И каждый раз сам себе говорил: голос сатаны! Умолкни, покорись и вымаливай прощение. А сейчас говорю: не надо мне прощения ни от тебя, Афанасий, ни от бога, ни от суда. Раз положено мне наказание за то, что на кровь свою руку поднял, — пусть и засудят... Прошу прощения только у Валечки, у тебя, Маша, и у вас, Наталья Матвеевна.

Акимов обернулся к учительнице и низко ей поклонился.

Суд удалился на совещание. Публика вышла из зала. В фойе клуба люди смогли, наконец, высказать все, что чувствовалось и думалось в эти часы.

— Кто бы мог поверить, — говорил собравшимся вокруг него пожилой рабочий, — что такие вещи возможны в наше время. Ведь я же хорошо знаю Степана. Раньше никогда ни в чем предосудительном не был замечен. Отличный семьянин был. И на тебе...

Учительница Покровская горячо доказывала, что нужно обратить серьезное внимание органов власти и общественных организаций не только на группу Калашникова, но и на стрелы, которые руководят такими группами, на секту неговистов вообще. Кто-то возражал ей, что административными мерами сектантство не поборешь — нужен единый фронт всех антирелигиозных сил.

Через час суд объявил приговор. Калашникова приговорили к пяти годам лишения свободы, Акимова — к трем с лишением родительских прав.

Калашников попытался произнести какую-то протестующую речь с ссылками на бога, но его никто не слушал.

Степан принял приговор молча.

Безуглов Анатолий Алексеевич
„ПРИШЕДШИЕ ИЗ МРАКА“

Редактор *В. М. Чикул*
Художник-оформитель *Л. М. Мечников*
Художественный редактор *И. Ф. Федорова*
Технический редактор *Н. Л. Щедрина*
Корректор *Н. П. Визгина*

Сдано в набор 26/XII 1959 г.
Подписано в печать 30/I 1960 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Объем: физ. печ. л. 1,5,
условн. печ. л. 2,46, учетно-изд. л. 2,32. Тираж 100 000.
А-00715. Цена 55 коп. Заказ № 995

Госюриздат — Москва, Б-64, ул. Чкалова, 38-40

Типография № 2 им. Евг. Соколовой
УПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Измайловский пр., 29.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Государственное издательство юридической литературы выпускает книги и брошюры по различным вопросам права.

В книгах и брошюрах Госюриздата разъясняются трудящимся их жилищные, трудовые, пенсионные, семейные и другие права и обязанности.

Книги продаются в магазинах книготоргов и потребительской кооперации.

Посетите ближайший книжный магазин и ознакомьтесь с планом выпуска юридической литературы на 1960 год. В этом плане дается краткая аннотация каждой книги и брошюры.

Книжные магазины принимают предварительные заказы на новые книги и брошюры. Предварительный заказ гарантирует обязательное и первоочередное приобретение книги. О поступившей в продажу книге магазин известит по указанному Вами адресу в заказе.

Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделами „Книга — почтой“ областных, краевых и республиканских книготоргов.

О всех случаях отказа принять заказ или ознакомить с планом выпуска юридической литературы сообщайте по адресу: Москва, Ленинский проспект, дом 15, „Союзкнига“, отдел пропаганды и рекламы книги.

Госюриздат